

КЪ ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ (*)

Percat homo — pascat oris.

(Человѣкъ умираетъ — дѣло живетъ).

Слова эти пусть служатъ порукою, что я не о себѣ желаю говорить, издавая настоящій очеркъ основанія газеты «Русскій Инвалидъ». Нѣтъ! мени побудила къ составленію описанія, основанія и удивительнаго, безъ сомнѣнія, успѣха этой газеты обязанность признать, что я имѣлъ неоднократные случаи, какъ въ жизни вообще, такъ и при изданіи этой газеты, убѣдиться въ святой истинѣ пословицы «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ», и вѣрнымъ изложеніемъ историческихъ фактовъ доказать, сколь ошибочны

(*) Въ 1843 году, покойный Пезаровіусъ, основатель и первый редакторъ газеты «Русскій Инвалидъ», напечаталъ отдѣльною брошюрою историческій очеркъ возникновенія этой газеты, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Краткое описаніе основанія и изданія газеты «Русскій Инвалидъ», выходящей въ С.-Петербургѣ съ 1-го февраля 1813 года. Составилъ тайный совѣтникъ Павелъ Пезаровіусъ, президентъ с.-петербургской евангелической консисторіи, членъ комитета о раненыхъ и кавалеръ орденовъ св. Станислава первой степени и св. Анны второй степени съ императорскою короною» С. П. б. Печатано въ типографіи академіи наукъ.

Очеркъ, написанный Пезаровіусомъ, не только цѣнный матеріалъ для исторіи русской журналистики вообще и военной въ особенности, но и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно любопытныя подробности о патристическомъ настроеніи Россіи въ ту вѣчно-достопающую эпоху, когда русскія войска дрались за освобожденіе Европы отъ тяжкаго и унизительнаго бонапартовскаго яга. Въ эту-то многояменательную эпоху, частный, никому неизвѣстный чиновникъ, руководимый единственно безкорыстною любовью къ отечеству, задумалъ, безъ всякихъ денежныхъ средствъ и безъ сотрудниковъ, издавать газету, и, предназначивъ будущіе доходы съ нея въ пользу раненыхъ воиновъ, положилъ основаніе инвалидному капиталу внесеніемъ въ комитетъ 18-го августа 1814 года (нынѣ комитетъ о раненыхъ) весьма значительной суммы. Такимъ образомъ исторія основанія газеты «Русскій Инвалидъ» вошла въ тѣсную связь съ учрежденіемъ

были всё, съ отвращеніемъ слышанныя мною, предположенія относительно причинъ моихъ дѣйствій, моего будто бы хорошо раста- таннаго плана для достиженія предположенной цѣли, моего умѣнья пользоваться обстоятельствами и тому подобное. Тогда какъ, напро- тивъ, все устроилось безъ моего старанія и безъ моихъ заслугъ, со- вершенно иначе и несравненно лучше, чѣмъ я или кто либо другой могли бы этого желать или даже предвидѣть.

Что же касается причинъ, понудившихъ меня издавать газету, и почему я вспомнилъ именно о раненыхъ на полѣ сраженія войнахъ, то это видно изъ слѣдующаго.

Кто знакомъ съ русскою журналистикою, тому извѣстно, что въ 1813 году я началъ издавать, на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, газету подъ названіемъ «Русскій Инвалидъ», доходъ съ которой, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, и могуція поступить добровольныя пожертвованія предназначались на пособія раненымъ войнахъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Въ этомъ предпріятіи руководила мною страсть къ военному званію, наполнявшая мою душу съ ранней молодости и доходившая до того, что, мальчикомъ тринадцати лѣтъ, я готовъ былъ отказаться отъ мундира, лишь бы имѣть счастье поступить въ военную службу и, въ рядахъ русскихъ солдатъ, сражаться за Рос- сію. Но этому не суждено было быть, потому что «человѣкъ пред- полагаетъ, а Богъ располагаетъ», и я принужденъ былъ довольст- воваться побѣдами на картѣ, приготавливая урокъ географіи, возве- деніемъ батарей въ нашемъ саду, сраженіями съ моими товарищами и писаніемъ военнымъ мелодрамаъ, въ которыхъ, во время послѣд- няго дѣйствія, сцена покрывалась убитыми янычарами (Россія вела тогда войну съ Турціею). Эта страсть къ военной службѣ пробуж- далась во мнѣ вновь отъ времени до времени и, между прочимъ, чтобы привести хоть одинъ примѣръ, въ 1810 году (я былъ въ то время членомъ одного правительственнаго учрежденія и въ чинѣ над- ворнаго совѣтника) овладѣло мною непреодолимое желаніе выучить- ся маршировать. Я вставалъ въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ въ комитета о раненыхъ, и понемногу продолжая свою благотворную дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ.

Тайному совѣтнику Пезаровіусу, долго бывшему членомъ комитета о ране- ныхъ, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ, при погребеніи его, отдать воинскія почести, за существенныя заслуги, оказанныя этимъ гражданскимъ чи новникомъ раненымъ войнахъ.

Печатаемъ вновь брошюру Пезаровіуса, доставленную въ редакцію бывшимъ членомъ комитета о раненыхъ, генераль-адъютантомъ Гринвальдомъ, и сдѣлав- шуюся нынѣ библиографическою рѣдкостью, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она имъ написана.

Ред.

два часа ночи, такъ какъ служебныя занятія не давали мнѣ свободнаго времени днемъ, и отправлялся пѣшкомъ изъ Гороховой, близъ Семеновскаго моста, гдѣ я въ то время жилъ, въ казармы лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ Миліонную. Тамъ мои учителя, унтеръ-офицеры Каченовскій и Черняевъ, занимались мною весьма основательно: синія пятна на моемъ лѣвомъ боку и шрамы на рукахъ свидѣтельствовали сколько объ усердіи учителей, столько и о прилежаніи ученика (*). Эта страсть къ военной службѣ была соединена съ не менѣе сильною ревностью къ славѣ и счастью русскаго оружія: имени Суворова я обязанъ самыми отрадными днями моей молодости. Подходя къ крѣпости, онъ бралъ ее d'amblée; когда союзникъ не въ силахъ былъ справиться съ неприятелемъ, то онъ подлеталъ съ нѣсколькими полками, какъ при Римниѣ, и выходилъ побѣдителемъ. Его побѣды въ Италіи, гдѣ онъ не далъ соединиться корпусамъ Македональда и Моро при Тревін, а разбилъ каждого отдѣльно; его переправа черезъ По, побѣда при Нови, гдѣ Жубертъ палъ и Моро принужденъ былъ уступить поле сраженія побѣдителю, его знаменитый переходъ черезъ Альпы, которому Лекурбъ не могъ воспрепятствовать, все это приводило меня въ столь невыразимый восторгъ, что и теперь, при одномъ воспоминаніи о мѣстахъ Суворовскихъ побѣдъ и Суворовской славы, это чувство загорается во мнѣ почти съ прежнею силою. Теперь можно вообразить себѣ, что я долженъ былъ выстрадать во все время отступательнаго движенія нашей громадной арміи въ 1812 году, въ это время страданій и, вѣстѣ съ тѣмъ, лучшаго цвѣта любви русскаго народа къ своему отечеству; въ это истинно-религіозное время, когда изъ дня въ день церкви столицы наполнялись народомъ всехъ сословій, который съ искренними молитвами обращался къ тому, отъ котораго единственно исходить всякая помощь на землѣ, къ Всемогущему Господу войскъ, и молилъ Его о помощи, о побѣдѣ надъ врагомъ, и былъ, наконецъ, когда пришло время, услышанъ. Но кто опишетъ чувство блаженства, наполнявшее столицу, восторгъ благодарности Всевышнему, когда пушечная пальба съ крѣпости возгласила народу рѣшительную побѣду при Тарутинѣ и Маломъ Ярославцѣ и гибельное отступленіе ненавистнаго врага.

(*) Каченовскій былъ въ 1811 году переведенъ прапорщикомъ въ армію, а Черняевъ, въ 1787 году поступившій на службу рядовымъ, былъ при взятіи Очакова и Измаила, дрался подъ Кульмомъ и Лейпцигомъ и вступилъ, въ рядахъ побѣдоносныхъ союзныхъ войскъ, въ Парижъ. Онъ служитъ теперь (въ 1843 году), 72 лѣтъ отъ роду, штабсъ-капитаномъ инвалидной роты № 2 въ Павловскѣ.

Асторъ.

Въ это время овладѣло мною жгучее желаніе чѣмъ-нибудь обратить вниманіе всѣхъ и каждаго на то, какою благодарностью мы обязаны нашимъ героямъ-защитникамъ за непоколебимую храбрость и терпѣніе, увѣнчавшіяся столь блестящимъ успѣхомъ—освобожденіемъ отечества отъ врага. Но что я могъ сдѣлать при тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, которыми располагалъ? Все, что я въ то время могъ называть своимъ, заключалось въ порядочномъ запасѣ легкомыслія, отчего я никогда не думалъ о завтрашнемъ днѣ, и 2,250 рублей ассигнаціями жалованья, изъ котораго я уже обязался внести ежегодно, во все время продолженіе войны, 750 р. на военные издержки (*). И поэтому, сколько ни ломалъ я себѣ голову, я не могъ остановиться ни на какомъ рѣшеніи, что бы мнѣ предпринять, такъ какъ для всего требовалось нѣчто, чего у меня то и не хватало—денегъ. Наконецъ, въ январѣ 1813 года, пришла мнѣ мысль издавать газету. Эта мысль овладѣла всѣмъ моимъ существомъ, такъ какъ въ исполненіи ея увидалъ возможность не только доводить до всеобщаго свѣдѣнія великія дѣянія вашихъ храбрыхъ воиновъ, но и помогать деньгами пятидесяти или даже ста инвалидовъ при проѣздѣ ихъ черезъ Петербургъ, или при возвращеніи въ столицу. Это была та невысокая и скромная цѣль, къ которой я стремился; о болѣе же высокомъ, о томъ, что сдѣлалось черезъ мою газету впоследствии, я не мечталъ. Рѣшившись издавать газету, я принялся за исполненіе этого предпріятія безъ всякаго предварительнаго плана и съ такою поспѣшностію (какъ читатель увидитъ ниже), что неожиданный, громадный успѣхъ моего періодическаго изданія можно приписать единственно только вліянію Всевышняго на всѣ обстоятельства и его благословенію. Впоследствии, когда я отклонялъ отъ себя воздаваемые мнѣ похвалы, обыкновенно приходилось мнѣ слышать: «такъ вамъ принадлежитъ добрая мысль?» Но откуда же берутся въ человѣкѣ добрыя мысли? Не создаются ли они, какъ и ихъ исполненіе?

Когда же я отправился къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, чтобы получить разрѣшеніе на изданіе моей, за нѣсколько дней только проектированной, газеты, я даже еще не зналъ, какъ назвать ее. Лишь въ пріемной министра пришла мнѣ мысль назвать газету мою «Русскій Инвалидъ». Получивъ разрѣшеніе, я послѣдилъ въ типографію Дрекселя, гдѣ въ то время печатался «Сынъ Отечества», который издавался г. Гречемъ (**). Но такъ какъ честный ти-

(*) Тогдашній министръ юстиціи Дмитріевъ объявилъ мнѣ, въ письмѣ отъ 27 августа 1812 г., Высочайшую благодарность за это патріотическое пожертвованіе.

(**) Основаніе журнала „Сынъ Отечества“ также относится къ этому време-

пографшикъ, который обдуманнѣе меня принялся за дѣла, потребовалъ отъ меня въ задатокъ 1,500 рублей, которыхъ я ему дать не могъ, то и переговоры наши на этомъ возвратились. Послѣ того я тщетно обращался еще къ нѣсколькимъ лицамъ, пода, наконецъ, не нашавъ, въ покойномъ книгопродавцѣ Плимпарѣ, нужнаго мнѣ человека. На мое заявленіе, что я желаю издавать газету на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но не имѣю на то денегъ, онъ изъявилъ согласіе печатать ее въ своей типографіи.

Теперь, по мнѣнію моему, газета была уже издана; мнѣ и въ голову не приходило, что, для существованія ея, необходимы читатели, такъ что объявленіе объ изданіи газеты вышло въ одно время съ первымъ ея номеромъ, 1-го февраля 1813 года. Поэтому количество подписчиковъ въ С.-Петербургѣ (въ губерніи ихъ еще не могло быть) ограничивалось *шестью* и дошло чрезъ нѣсколько дней до *двенадцати*. Но въ числѣ этихъ подписчиковъ находились, поощряющіе великое общепольное предпріятіе, члены императорской фамилии: покойныя императрицы—Марія Теодоровна, которая подписалась на газету первая, и Елисавета Алексѣевна, также ихъ императорскія высочества великіе князья Николай Павловичъ (нынѣ царствующій императоръ) и Михаилъ Павловичъ, и великая княжна Анна Павловна (нынѣ королева нидерландская). Подпискою высочихъ членовъ императорскаго семейства составлялась 1,400 руб. ассигнаціями, изъ которыхъ типографшику была выдана только подписная цѣна, составлявшая въ первый годъ по 15 руб., т. е. 75 руб., а 1,325 руб. сохранялись особо на пособіе могущимъ прибыть инвалидамъ. Въ февралѣ 1813 года въ Петербургѣ еще не было ни одного изъ нихъ.

Содержаніе первыхъ номеровъ газеты въ продолженіе февраля мѣсяца—она выходила разъ въ недѣлю, по субботамъ—состояло лишь изъ перепечатанныхъ донесеній съ поля сраженія о дѣйствіяхъ нашей арміи за-границею, нѣсколько статей изъ «Сѣверной Почты» (*), относительно опустошеній, сопровождавшихъ походъ общаго врага въ Москву, и пребываніе его въ этомъ городѣ, извлеченій изъ старыхъ заграничныхъ газетъ, которыя присылались мнѣ изъ любезности, когда уже никто не хотѣлъ ихъ читать, и, наконецъ, иногда изъ нѣсколькихъ военныхъ анекдотовъ, истинныхъ или вымышленныхъ. Этотъ недостатокъ въ новостяхъ—повѣрить-ли кто?—происходилъ отъ того, что я и не подумалъ о необходимости выпи-

ни: первая книжка его вышла въ *октябрь* 1812 года, т. е. четырьмя мѣсяцами прежде перваго номера «Русскаго Инвалида».

Ред.

(*) Газета, издававшаяся въ то время Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

сать хоть одну иностранную газету, несмотря на то, что, въ настоящій моментъ, въ этомъ настояла тѣмъ большая необходимость, такъ какъ наши войска перешли уже границу. Со всѣхъ сторонъ слышались предсказанія, что «Инвадидъ» скоро умретъ отъ своихъ собственныхъ ранъ. Но это не производило на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія; во мнѣ жило странное убѣжденіе, что все пойдетъ хорошо. Но какъ и какимъ образомъ это случится, я не зналъ и не былъ бы въ состояніи дать отвѣтъ, если бы кому вдумалось задать мнѣ подобный вопросъ. На самомъ дѣлѣ, уже къ концу перваго мѣсяца, все измѣнилось къ лучшему и наилучшимъ образомъ, хотя одно обстоятельство бы обезпокоило меня, даже лишило бы бодрости при другомъ состояніи духа, чѣмъ то, въ которомъ я находился. Въ продолженіе всего перваго мѣсяца, переводилъ для газеты статьи (*) на русскій языкъ ученый Остенець—Востоковъ, извѣстный своими трудами въ отечественной литературѣ, а въ особенности изданною имъ грамматикою. Но потомъ онъ вынужденъ былъ, къ моему искреннему сожалѣнію, отказаться отъ этой работы, такъ какъ научныя и служебныя занятія не давали ему на столько свободнаго времени. Но такъ какъ «Русскій Инвадидъ» выходилъ тогда только разъ въ недѣлю, то я имѣлъ время прискаты другаго сотрудника. Черезъ нѣсколько дней и отыскался господинъ, котораго рекомендовали мнѣ за личность, способную къ этимъ занятіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и описывали какъ человека надменнаго и до того вспыльчиваго, что приходилъ за-частую въ ярость безъ всякой видимой къ тому причины. Поэтому мнѣ совѣтовали обращаться съ нимъ какъ можно осторожнѣе и деликатнѣе. Господинъ этотъ служилъ въ почтамтѣ, а такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, и онъ въ 1816 году уже умеръ, въ почтовомъ же вѣдомствѣ все измѣнилось, то я, не опасаясь подвергнуться упреку, если позволю себѣ, при описаніи судьбы «Русскаго Инвадида», изложить нѣкоторыя подробности, служащія доказательствомъ, какъ всѣ обстоятельства, безъ моего личнаго старанія, слагались къ успѣху моего предпріятія. Господинъ этотъ былъ надворный совѣтникъ О*; онъ принялъ меня чрезвычайно гордо, когда я былъ представленъ ему, назначилъ за свои занятія плату, на которую я, не задумываясь, согласился, хотя не зналъ, откуда возьму

(*) Кроме того, предложили мнѣ свои услуги два молодыхъ чиновника, которые взились переводить прокламаціи „къ низшему народу“, которыя печатались въ арміи и присылались мнѣ полковникомъ генеральнаго штаба (нынѣ комендантъ г. Петергофа и генералъ) Эйхеномъ, получавшимъ ихъ отъ генералъ-квартирмейстера арміи генералъ-лейтенанта (впоследствии графъ) Толя.

Авторъ.

этотъ предметъ денегъ, и, наконецъ, сказалъ мнѣ: «Я увѣренъ, вы каждый разъ тотчасъ же будете ко мнѣ являться, какъ только приду за вами». Хотя я и не понималъ настоящаго смысла этихъ словъ, но обѣщался аккуратно исполнять его требованія.... Черезъ два г. 0* прислалъ за мною своего слугу, въ полночь. Я уже легъ, но всталъ тотчасъ же, отправился пѣшкомъ, при сильно морозной погодѣ марта мѣсяца, изъ Гороховой въ его квартиру, близъ галта, и дорогою раздумывалъ, на сколько мнѣ это позволяла морозъ улица и темнота ночи, о томъ, къ чему бы я могъ понадобиться г. 0* въ такое ночное время. Являсь, наконецъ, совершенно окрившій, къ нему въ комнату, я нашелъ ее освѣщенной, а его сидимъ за письменнымъ столомъ и окруженнымъ множествомъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Тутъ только я узналъ, что мой содвинутъ конвертъ. «Вотъ, обратился онъ ко мнѣ, указывая на столъ, въ котораго я усѣлся, новѣйшія берлинскія газеты. Витгенштейнъ разбилъ французовъ при Лейпцау. Сдѣлайте свои извлеченія, передавайте мнѣ ихъ страницами, а я тотчасъ же переведу ихъ на русскій языкъ». Вообразите себѣ мое удивленіе и мою радость! Ни-когда не занимало публику въ данный моментъ болѣе извѣстій о дѣяніяхъ нашихъ войскъ на Одерѣ и Эльбѣ, и вдругъ я очутился у источника ихъ, и изъ котораго могъ черпать по желанію. Три часа утра редація была окончена и я поспѣшилъ съ своими рукописями въ типографію, на Исакиевскую площадь, въ домъ графа Бутайсова (нынѣ гостиница Лондонъ), разбудилъ наборщиковъ и печатниковъ, и въ восемь часовъ утра публика уже шла въ «Русскомъ Инвалидѣ» на двухъ языкахъ новости, о которыхъ гораздо позже узнала изъ берлинскихъ газетъ. По прошествіи этого времени, разнеслась молва, будто бы «Русскій Инвалидъ» быстро получаетъ извѣстія чрезъ курьеровъ. Вслѣдствіе этой молвы, при аккуратномъ появленіи новостей, число подписчиковъ въ Бербургѣ возрасло къ концу апрѣля съ 50 до 800. Теперь и изъ Бернбургъ начали появляться требованія на газету; но патріотическія жертвованія были все еще весьма незначительны: иногда получалъ по 10 руб., нрѣдка по 25 руб., и разъ, къ моему крайнему удивленію, отъ одной дамы въ столицѣ 50 руб., да отъ одного англійскаго торговаго дома 100 рублей. Но въ то время и не было еще въ Бербургѣ ни одного инвалида; они стали появляться позже, въ основности послѣ сраженія при Блястицахъ (?), и возбудили тѣмъ большее въ насъ себѣ сочувствіе, такъ какъ принадлежали къ корпусу, который, по начальствомъ графа Витгенштейна, отбилъ непріятеля, шедшаго на

Петербургъ и неоднократно тщетно старавшагося проникнуть сюда подъ командою маршаловъ Удине и Сентъ-Сиръ, и баварскаго генерала Дерой. Другое обстоятельство, послужившее въ пользу «Русскаго Инвалида», было слѣдующее. Въ июлѣ того же 1813 года, объявилъ мнѣ одинъ изъ актеровъ нѣмецкой труппы въ С.-Петербургѣ, нѣкто г. Боркъ, что онъ, желая сдѣлать что-нибудь для раненныхъ, уступаетъ въ пользу ихъ свой бенефисъ. Обрадованный, я тотчасъ же поставилъ въ извѣстность публику какъ объ этомъ пожертвованіи, такъ и о днѣ представленія. Со всѣхъ сторонъ увѣрали меня, что я пустился въ невыгодную сдѣлку, такъ какъ Боркъ очень хорошо знаетъ, что въ лучшее время года, когда всѣ живутъ за-городомъ, театръ будетъ пустъ и, уступая бенефисъ въ пользу раненныхъ, только желалъ свалить расходы съ себя на меня. Но я нисколько не тревожился этими опасеніями и предостереженіями. Я объявилъ въ своей газетѣ, что билеты на это представленіе можно получать у г. Ньюшара и у меня. Наканунѣ представленія, билеты были разобраны и за билетъ въ кресло, которое въ нѣмецкомъ театрѣ (*) стоило тогда 2 руб. 50 к. асигнаціями, платили 10, 25, 50, 150 и даже 300 рублей. Г. Боркъ также не былъ забытъ: высокая покровительница «Русскаго Инвалида», какъ и вообще всѣхъ человеколюбивыхъ предприятий, покойная императрица-мать, прислала ему 500 рублей, дабы онъ не былъ въ потерѣ. Результатъ представленія, въ исключеніи расходовъ, составлялъ 3,000 рублей асигнаціями — весьма значительная сумма для маленькаго нѣмецкаго театра, прекраснаго июльскаго вечера и невысокихъ въ то время цѣнъ на мѣста. Такую сумму я не рассчитывалъ собрать. Обрадованный въ высшей степени, я сѣлъ, чтобы объявить въ своей газетѣ объ этомъ неожиданномъ доходѣ. Думая только объ одномъ объявленіи, я, безъ всякаго сознанія, написалъ, что внесу эти 3,000 рублей въ ломбардъ для образованія основнаго капитала, который со временемъ возрастетъ до значительныхъ размѣровъ, и для передачи его впоследствии въ распоряженіе правительства, на пользу раненныхъ воиновъ. Почему я зналъ это, хотя не думалъ объ образованіи капитала, когда собирался написать объявленіе о доходѣ въ 3,000 рублей? Кто велѣлъ мнѣ писать, что онъ возрастетъ до значительныхъ размѣровъ? и оно случилось, дѣйствительно, какъ, о томъ читатель узнаетъ ниже. Не справедливо ли изреченіе: «по вѣрѣ вашей, да будетъ вамъ». Подобное случилось со мною при другомъ обстоятель-

(*) Театръ помѣщался въ то время въ части зданія нынѣшняго главнаго штаба, къ Милліонной.

нѣ, въ томъ же году. Въ одинъ изъ поведѣльничковъ, въ концѣ мая, явились ко мнѣ двадцать инвалидовъ изъ окрестностей Петербурга и просили о пособіи. Завасъ былъ весь истощенъ, но, не замыкаясь и совершенно попоймо, я сказалъ имъ: «ребята! приходите четвергъ утромъ, и я удовлетворю васъ». Въ среду вечеромъ не было у меня еще ничего, а въ четвергъ утромъ старшины ремесленного общества принесли мнѣ 450 рублей, собранные въ пользу раненыхъ наманути, во время бывшаго въ обществѣ обѣда. Глубоко омутии, благодарилъ я старшинъ отъ имени раненыхъ вояновъ, далъ въ принятіи денегъ квитанцію, и вызванные на этотъ день двадцать человекъ инвалидовъ ушли отъ меня довольные.

Теперь возвратимся къ капиталу. Въ томъ же объявленіи я выказалъ, что вносимыя на увеличеніе капитала суммы я не имѣю права трогать, а онѣ должны увеличиваться процентами до передачи оному капиталу въ распоряженіе правительства. Съ этого времени жертвованія значительно увеличались. Причины къ тому были слѣдующія: когда покойная императрица Марія Феодоровна узнала изъ «Русскаго Инвалида», котораго нумера постоянно находились на ея бечемъ столѣ, что я предлагаю обнотать капиталъ, который могъ бы увеличиться только потому, что я обязался не затрогивать его, то повѣковавшая императрица, въ разное время милостиво выражая мнѣ высокое участіе, приимаемое ею въ дѣлѣ инвалидовъ, стала присылать мнѣ, послѣ каждой рѣшительной побѣды нашихъ войскъ, суммы въ разнѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей (такъ, на примѣръ, 4,000 рублей послѣ побѣды подъ Кульмою и 8,000 рублей послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ) отъ имени «счастливой матери и ея дѣтей» и отъ имени «счастливой матери и ея дочери», тогда Великіе Князья (Его Высочество нынѣ царствующій Императоръ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ) отправлялись въ армію и съе оставалась одна только Великая Княжна Анна Павловна (нынѣ царица нидерландская). Такой примѣръ весьма любимой Императрицы нашель послѣдователей: публика, узнавши о громадныхъ суммахъ добѣраемыхъ Императрицею мнѣ, лицу неизвѣстному, и что деньги эти вносятся для образованія основнаго капитала, не задумываясь уже поступать такъ же, дабы выразить этимъ свою признательность храбрымъ защитникамъ отечества. Суммы въ тысячу и более рублей вносились для увеличенія капитала, тогда какъ изъ незначительныхъ я выдавалъ пособія раненымъ и солдатскимъ вдовамъ, которыя уже начали появляться чаще. Съ глубокою признательностію омяну здѣсь о 42,000 рублехъ, собранныхъ въ пользу раненыхъ

жителями Москвы, которая лишь за годъ была опустошена пожарами и грабежами, и пересланныхъ ко мнѣ тогдашнимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Москвы, графомъ Ростопчинымъ. Слова не въ силахъ выразить чувства, которое овладѣло мною при полученіи столь значительной и собранной при такихъ обстоятельствахъ жертвы патриотовъ. Во время празднованія, въ помѣщеніи Купеческаго Собранія, побѣды подъ Лейпцигомъ, санктпетербургское купечество собрало въ пользу раненыхъ 20,000 рублей, сборъ съ двухъ концертовъ въ филармоническомъ залѣ, изъ которыхъ одинъ данъ былъ по моему предложенію, а другой придворными пѣвчими подъ управленіемъ знаменитаго Бортиянскаго, составилъ 10,000 рублей, и я, съ своей стороны, былъ такъ счастливъ, что могъ внести на увеличеніе капитала оставшіеся у меня, за исключеніемъ расходовъ по изданію газеты, 5,000 рублей. Такимъ образомъ, капиталъ, основанный въ июлѣ мѣсяцѣ, въ 3,000 рублей, составлялъ къ концу перваго года (1813), т. е. чрезъ пять мѣсяцевъ, 115,000 рублей. Это результатъ газеты, издававшейся только съ 1-го февраля, т. е. въ продолженіе одиннадцати лишь мѣсяцевъ, и вышедшей въ свѣтъ безъ предварительнаго объявленія съ двѣнадцатью только подписчиками, газеты, для изданія которой я не рѣшился просить у правительства ни малѣйшаго вспомошествованія и которая, несмотря на то, по милости Божіей, не только покрыла все расходы по изданію и къ концу перваго года имѣла значительный капиталъ, но и дала мнѣ возможность выдавать денежные пособія раненымъ воинамъ, проливающимъ свою кровь въ сраженіяхъ подъ Бородиною и Полоцкомъ и при штурмѣ на этотъ городъ, и такимъ образомъ облегчить имъ возвращеніе на родину. Возвращающіеся чрезъ Петербургъ инвалиды помѣщались временно на Петербургской сторонѣ. Отправляясь къ нимъ, я неминуемо встрѣчался съ знакомыми, которые, узнавъ, что я иду къ инвалидамъ, почти всегда снабжали меня даяніями для нихъ, такъ что я постоянно приходилъ туда богаче, чѣмъ отправлялся изъ дому. При этомъ я долженъ замѣтить, что я, во-первыхъ, никогда не выдавалъ инвалидамъ пособія отъ своего имени, а постоянно отъ имени правительства и, во-вторыхъ, что я никогда не произносилъ ни одной просьбы подумать о раненыхъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, подобная просьба оскорбила бы заслуги, приобретенныя пролитію или кровью. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ отдать справедливость и патриотизму публики, сознавшей святую обязанность—благодарить раненыхъ воиновъ приношеніями, смотря по состоянію каждаго.

Въ концу этого перваго, 1813 года, 300 инвалидовъ и 150 солдатскихъ вдовъ уже получали, кто ежегодныя, кто единовременныя денежныя пособія (*). Это сдѣлалось мнѣ возможнымъ чрезъ патристическія пожертвованія въ 10, 25, 50 и до 600 и даже 800 рублей и тѣми 1,500 рублями, которые оказались у меня отъ расходовъ по редакціи и печатанію газеты. Здѣсь я долженъ упомянуть объ особыхъ прибавленіяхъ къ моему газетѣ, которыя я началъ издавать въ этомъ году, въ особенности вълѣдствіе дѣятельности намидь партизановъ, а именно: занятія Гамбурга генераломъ Теттенборномъ 7-го марта 1813 года; знаменитаго сраженія партизановъ подъ Люнебургомъ 21-го марта, въ которомъ генераль-адъютантъ (нынѣ военный министръ и князь) Александръ Чернышевъ принудилъ сдаться ему французскій корпусъ въ 3,000 человекъ, съ 80, офицерами и смертельно раненымъ генераломъ Мораномъ; блестящаго занятія города Бадеи (въ сентябрѣ того же года), чѣмъ и былъ положенъ конецъ Вестфальскому королевству, также подъ начальствомъ генераль-адъютанта Чернышева; неожиданное занятіе Амстердама 23-го ноября и освобожденіе Голландіи изъ-подъ ига Наполеона генераломъ (нынѣ графъ) Бенкендорфомъ, которому жители Амстердама поднесли почетную саблю, и нѣсколькихъ другихъ менѣе значительныхъ сраженій партизановъ. Эти прибавленія продавались по 25 копѣекъ ассигнаціями за экземпляръ, преимущественно солдатскими дѣтями, которыя, узнавъ о вынустѣ особаго прибавленія, являлись въ типографію и получали два или четыре прибавленія, смотря по количеству денегъ у каждаго. Съ крикомъ «побѣда! побѣда!» дѣти эти отправлялись затѣмъ на бульваръ и на Англійскую набережную, гдѣ продавали эти прибавленія съ значительными для себя барышамъ, такъ какъ рѣдко кто имѣлъ въ карманѣ 25 копѣекъ мѣдью, оказывалось же 10 копѣекъ серебромъ, т. е. 40 копѣекъ ассигнаціями, а зачастую маленькіе продавцы получали и 20 копѣекъ серебромъ (80 к. ас.) вибого израсходованныхъ ими 25 копѣекъ ассигнаціями. Продавъ свой товаръ, они тотчасъ же возвращались въ типографію, и случалось, что купившій сначала только на одинъ рубль, приобрѣталъ, послѣ удачной торговли прибавленій, на 5 и даже 10 рублей, отправлялся снова на бульваръ и возвращался, наконецъ, домой съ прибылью въ нѣсколько рублей.

Въ началѣ 1814 года, подписная цѣна на «Русскій Инвалидъ» была увеличена съ 15 на 25 рублей, такъ какъ газета издавалась

(*). Только правительство можетъ назначать пенсію, поэтому я выдавалъ ежегодныя и единовременныя пособія.

два раза въ недѣлю съ особенными прибавленіями. Патриотизмъ и вообще участіе къ раненымъ увеличивались. При каждой семейной радости, на каждомъ семейномъ праздникѣ, собирались деньги въ пользу раненныхъ; давались дѣтскіе концерты, дѣтскія представленія съ этою цѣлью; въ коммерческихъ играхъ всегда откладывалось что-нибудь въ пользу раненныхъ; во многихъ общественныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитанники и воспитанницы собирали свои карманные деньги и отправляли ихъ по мнѣ въ редакцію для раненныхъ; изъ многихъ губерній, и даже изъ отдаленныхъ американскихъ колоній, получались денежные жертвованія, доходившія, послѣ занятія Париза, до 20,000, 30,000 и даже 40,000 р. въ мѣсяць, такъ что, къ концу 1814 года, основной капиталъ, хранившійся въ ломбардѣ, составлялъ уже 300,000 рублей, къ которымъ и я въ этотъ годъ, по случаю увеличенной модпшской цѣны, внесъ, за покрытие всѣхъ расходовъ по изданію газеты, остатокъ въ 20,000 рублей.

Изъ числа жертвоприношеній патриотовъ по случаю побѣдоноснаго вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, и не могу не упомянуть здѣсь о 2,000 голландскихъ червонцахъ, поднесенныхъ жителемъ Москвы генералу, которому Императоръ Александръ поручалъ передать Москвѣ радостную вѣсть о взятіи Париза. Этотъ генералъ, котораго каждый, кто его знаетъ, чтитъ какъ храбраго и безукоризненнаго рыцаря, и имя котораго я узналъ уже впоследствии, прислалъ эти 2,000 червонцевъ, завязанные въ матеръ, въ одно прекрасное утро ко мнѣ со своимъ дворецкимъ, предназначая ихъ въ пользу раненныхъ отъ неизвѣстнаго. Тогда я еще не зналъ его лично, но впоследствии имѣлъ счастье проникнуться самымъ искреннимъ уваженіемъ къ этому высокому лицу, строгому въ службѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гуманному и благосклонному со своими подчиненными.

Въ томъ же 1814 году, Его Величество Императоръ Александръ, приказомъ по арміи, учредилъ, въ воспоминаніе побѣды подъ Кульмомъ, комитетъ 18-го августа 1814 года, для попеченія о раненныхъ воинахъ, ихъ вдовахъ и сиротахъ. Этотъ приказъ, въ которомъ ясно высказывается отеческая заботливость Императора о своихъ солдатахъ и его признаніе заслугъ храбрыхъ воиновъ, вѣрные, подъ предводительствомъ Александра, составили себѣ бессмертную славу великодушныхъ побѣдителей, этотъ приказъ, который знаютъ весьма немногіе настоящаго поколѣнія, и который достоинъ сохраниться въ благодарной памяти русскаго войска всѣхъ временъ, слѣдующій:

«Солдаты! Годъ тому назадъ, въ этотъ самый день, когда на по-

лякъ подъ Бутымошъ въ свою грудь воспрепятствовали неприятелю проникнуть въ Богемію, я, вѣстѣ съ вами, приносилъ Всевышнему благодарственное молебствіе за оказанную Имъ намъ милость. Ваши постоянные спутники: мужество, храбрость, терпѣніе и любовь къ отечеству, доставивъ вамъ въ послѣдствіи новыя лавры, открыли вамъ ворота Парижа, наградили васъ миромъ и даровали вамъ счастье, со славой возвратиться на родину. Съ благодарностью признаетъ правительство ваши заслуги и перенесенные вами труды; отъ имени его благодарю васъ я, и привѣтствую васъ на родинѣ. Геройскіе подвиги ваши были предметомъ постоянного Моего вниманія; но, чтобы лучше выказать ихъ, а въ особенности день 18-го августа, я открываю всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, раненымъ въ послѣднюю, незабвенную своими великими подвигами, войну, какъ тѣмъ, которые уже вышли въ отставку, такъ и тѣмъ, которые, вслѣдствіе полученныхъ ими въ эту войну ранъ и увѣчій, еще принуждены будутъ оставить службу и не имѣютъ другихъ средствъ, кромѣ назначаемой при отставкѣ пенсіи, удобный путь обращаться, со всѣми своими нуждами, ко Мнѣ. И дабы ихъ просьбы безъ малѣйшаго замедленія рассматривались и докладывались Мнѣ, Я учреждаю особый комитетъ изъ состоящихъ при Мнѣ генералъ-адъютантовъ: генерала отъ кавалеріи Уварова, генералъ-лейтенантовъ: графа Строганова и Голенничева-Бутузова и генералъ-маіоровъ: Закревскаго и Сипягина. Этотъ комитетъ будетъ обязанъ принимать просьбы, заботиться о доставленіи пособій бѣднымъ раненымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и своимъ представленіямъ доставлять ко Мнѣ чрезъ состоящаго при мнѣ генерала отъ артилеріи, графа Аракчева.

«Александръ».

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, комитетъ закрылся на неопредѣленное время, такъ какъ господа члены отправились съ Его Величествомъ на конгрессъ въ Вѣну. Это обстоятельство помѣшало и Мнѣ тогда же передать основной инвалидный капиталъ въ распоряженіе правительства, и прекратить изданіе газеты, такъ какъ полученіе официальныхъ, и, слѣдовательно, вѣрныхъ, свѣдѣній не только о степени ранъ инвалидовъ, но и о томъ, получили-ли они ихъ на полѣ сраженія или при другихъ случайностяхъ, было сопряжено съ большими затрудненіями. Сверхъ того, отправленіе ежегодныхъ пособій раненымъ въ разныя губерніи потребовало бы переписки, весьма затруднительной для меня. Но, при существующихъ обстоятельствахъ, я вынужденъ былъ еще продолжать изданіе газеты до поры до вре-

мѣнѣ. Все шло хорошо, т. е. денежныя приношенія доуладилось въ достаточномъ размѣрѣ, но только до пораженія Наполеона при Ватерлоо. Когда же онъ былъ отвезенъ на островъ св. Елены и благополучно прибылъ туда, тогда приношенія стали уменьшаться: общій врагъ былъ побѣжденъ и не могъ болѣе тревожить спокойствія Европы: онъ получилъ заслуженное мѣ.

Несмотря на то, въ 1815 году капиталъ возросъ, приношеніями и процентами, до 395,000 рублей. Когда же Его Величество Императоръ Александръ, даровавшій Европѣ миръ, возвратился въ декабрѣ мѣсяцѣ въ свою столицу, тогда я посѣщилъ представить, чрезъ графа Аракчеева, на Высочайшее Его Величества благоусмотрѣніе капиталъ и при немъ списокъ 1,200 человекъ раненыхъ (*), которые, въ продолженіе этого времени, съ іюля 1813 года, ко мнѣ являлись и отъ меня получали ежегодныя денежныя пособія. Его Величество Высочайше соизволилъ наградить меня орденомъ св. Анны 2-й степени, украшеннымъ брилліантами, и назначить членомъ комитета 18-го августа 1814 года, при которомъ я и нахожусь съ 21-го декабря 1815 года, уже слишкомъ двадцать семь лѣтъ (**). Моя надежда прекратить изданіе газеты не исполнилась, такъ какъ Его Величеству благоугодно было, въ рескриптѣ на имя мое отъ 21-го декабря 1815 года, выразиться такъ, что это было для меня болѣе чѣмъ приказъ. А именно Государь писалъ: «Я увѣренъ, что и при новомъ порядкѣ, который я предписалъ относительно газеты «Русскій Инвалидъ», вы будете продолжать ваши полезныя занятія, дающія нашимъ соотечественникамъ возможность облегчить судьбу изувѣченныхъ на полѣ сраженія братій нашихъ». Теперь сердце заставляло меня продолжать изданіе «Русскаго Инвалида», который, такъ какъ въ немъ исключительно печатались всѣ приказы по арміи, по предложенію моему издавался, съ января 1816 года, ежедневно. Государь приказалъ, чтобы 19-го марта, въ день вступленія побѣдоносныхъ союзныхъ войскъ въ Парижъ въ 1814 году, ежегодно даваемъ былъ въ большомъ театрѣ концертъ въ пользу инвалидовъ. На первомъ концертѣ, 19-го марта 1816 года, сборъ составилъ 52,000 рублей, въ числѣ которыхъ одинъ неизвѣстный, проникнутый восторгомъ въ увѣнчанному побѣдоу Импера-

(*) Изъ этихъ 1,200 инвалидовъ оказалось впоследствии только 750 человекъ тяжело-раненыхъ. *Асторъ.*

(**) Но Его Величество не довольствовался этимъ, а опредѣлялъ, имѣющимъ Высочайшимъ указомъ комитету, отъ 2 марта 1822 года, касательно моего содержанія въ 3,000 руб. асс., называть меня „основателемъ инвалиднаго капитала“, и содержаніе отпускать мнѣ изъ процентовъ съ этого капитала. *Асторъ.*

тору, заплатилъ за свое кресло въ театрѣ 6,000 рублей. Хотя источникъ малыхъ приношеній поемному и всякаль, но за то инвалиды получали иногда и весьма значительныя, какъ, напримѣръ, кромѣ 52,000 рублей, 200,000 рублей отъ умершей нынѣ графини Браницкой въ Бѣлой-Церкви, и отъ состоявшаго тогда въ русской службѣ кавалерійскаго генерала графа Кинсоната (?) 7,000 червонцевъ (слишкомъ 70,000 рублей), которые присуждены были графу въ тяжбѣ и пожертвованы имъ своимъ неспособнымъ къ службѣ товарищамъ по оружію. Но болѣе всего способствовало увеличенію инвалиднаго капитала Высочайшее разрѣшеніе, данное Императоромъ Александромъ комитету 18-го августа 1814 года, получать потребныя на пенсіи инвалидамъ всѣхъ чиновъ деньги, въ продолженіе двухъ лѣтъ, изъ кабинета Его Величества. Такимъ образомъ, Императоръ Александръ I былъ не только учредителемъ единственнаго въ Европѣ заведенія для попеченія о раненыхъ войнахъ, ихъ вдовахъ и сиротахъ, но и способствовалъ быстрому возрастанію инвалиднаго капитала значительнѣйшимъ приношеніемъ. Да сохранится память объ немъ до далекихъ потомковъ въ признательныхъ сердцахъ русскихъ воиновъ, ихъ вдовъ и сиротъ! Да будетъ она благословенна до конца временъ!

Къ собранному мною капиталу было присоединено изъ комисаріата 294,179 рублей, такъ что составилъ почти уже миліонъ. Дарованный, кромѣ того, Высочайшею милостью капиталу двухлѣтній покой и благоразумное распоряженіе, такъ что часть процентовъ ежегодно присоединялась къ капиталу, увеличили его до такихъ размѣровъ, что къ концу 1842 года капиталъ возросъ до 14,850,000 р.

Теперь мнѣ остается еще упомянуть о благодѣтельной дѣятельности комитета 18-го августа 1814 года, въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ.

Изъ числа членовъ, назначенныхъ приведеннымъ выше Высочайшихъ приказомъ, умерли, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, генералъ адъютанты: Уваровъ, графъ Строгановъ и Сипягинъ.

Изъ членовъ, Высочайше назначенныхъ впослѣдствіи, присутствуютъ по настоящее время въ засѣданіяхъ: председатель, генералъ отъ инфантеріи князь Щербатовъ, генералъ отъ кавалеріи Депрерадовичъ и графъ Кутузовъ, генералъ отъ инфантеріи Храповицкій, генералъ-лейтенанты Скобелевъ и Исленьевъ. Остальные члены комитета: высочайшимъ вице-президентъ князь Васильчиковъ 1, князь Чернышевъ, графъ Комаровскій, графъ Бенкендорфъ, графъ Левашевъ и генералы Дьяковъ 1, Шиповъ 1 и Герцъ не могли постоянно при-

существовать въ засѣданіяхъ, отвлекаемые другими служебными обязанностями въ Петербургъ или внѣ его. Въ 1827 году, Его Величеству благоугодно было назначить особаго предсѣдателя комитета, и первый, занимавшій эту должность, былъ генераль-адъютантъ Сукинъ, послѣ его смерти былъ назначенъ генераль отъ артилеріи Капцевичъ, который умеръ въ 1840 году.

Комитетъ о раненыхъ, на котораго Государемъ Императоромъ возложена была святая обязанность заботиться о нуждахъ воиновъ, изувѣченныхъ въ борьбѣ за престолъ и отечество, дѣйствовалъ постоянно въ духѣ и смыслѣ приведеннаго выше приказа по арміи отъ 18-го августа 1814 года. Дѣятельность его съ 1814 по 1842 годъ, въ продолженіе, слѣдовательно, двадцати восьми лѣтъ, видна изъ слѣдующаго очерка:

Въ продолженіе этихъ годовъ, по Высочайше утвержденному представленію комитета, были назначены пожизненныя пенсіи 4,000 генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, 2,000 вдовамъ и дочерямъ (до замужества) и 15,000 нижнимъ чинамъ, уволеннымъ за ранами въ отставку; единовременныя денежныя пособія: 2,900 генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, 600 вдовамъ и болѣе 3,000 нижнимъ чинамъ. Кроме того, слишкомъ 1,500 сиротъ воспитывались въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и такъ какъ они привозились въ Петербургъ на счетъ комитета, то на путевыя издержки было израсходовано около 50,000 рублей; наконецъ 130 солдатскимъ дочерямъ было выдано въ приданое по 100 рублей каждой. Съ 1820 года 120 дочерей генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ воспитываются въ патриотическомъ институтѣ, на что комитетъ о раненыхъ ежегодно расходуетъ 80,000 рублей. Всего же принято подъ покровительство комитета до 40,000 лицъ мужчинъ и женщинъ разныхъ чиновъ и лѣтъ, принадлежащихъ къ военному сословію, и на этотъ предметъ израсходовано комитетомъ 30,000,000 рублей.

Кромѣ процентовъ съ капитала, поступаютъ въ доходъ комитета вычеты изъ пенсій, столовыхъ денегъ, единовременныхъ денежныхъ наградъ, за пожалованіе орденами и медалями, изъ арендныхъ суммъ, Высочайшихъ подарковъ и т. д.

Покойный Императоръ Александръ пожертвовалъ свое содержаніе, какъ шефъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, на пособія инвалидамъ; тому же примѣру послѣдовалъ и нынѣ царствующій Императоръ, назначивъ свое содержаніе, какъ шефъ того же полка, въ пользу раненыхъ въ сраженіи воиновъ.

Въ первые года существованія комитета, онъ имѣлъ счастье по-

лучать отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини, герцогини Веймарской, Маріи Павловны, на увеличеніе тогда еще незначительнаго инвалиднаго капитала по 1,000 руб. ассигнаціями въ годъ.

Комитету подвѣдомственна Чесменская военная богадѣльня (въ семь верстъ отъ Петербурга, по московскому шоссе), учрежденная для 400 инвалидовъ нижняго чина и 15 офицеровъ, которые, не въ слѣдствіе ранъ, а по болѣзнямъ и въ особенности по старости, неспособны къ службѣ. Настоящій директоръ этого заведенія, высокоотитимый комендантъ петербургской крѣпости, генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, который на полѣ сраженія приобрѣлъ себѣ славу геройской храбрости, удивлявшей даже непріятелей, и необыкновеннаго присутствія духа въ минуту опасности. Онъ составляетъ отряду послѣднихъ инвалидовъ въ Чесмѣ, съ любовью привязанныхъ къ нему за его отеческую заботливость, которую онъ непрерывно имъ оказываетъ.

Газету «Русскій Инвалидъ» я редактировалъ съ 1813 по 1821 годъ; въ этомъ году я отказался отъ занятія по газетѣ и редакцію принялъ отъ меня статскій совѣтникъ Воейковъ, который издавалъ газету, безъ политическаго отдѣла, до своей смерти въ 1839 году. Затѣмъ я былъ, по Высочайшему повелѣнію, опять назначенъ редакторомъ «Русскаго Инвалида» въ которомъ, по представленію комитета, помѣщаются нынѣ политическія и другія внутреннія и заграничныя извѣстія. До 1821 года, когда газета имѣла отъ 8,000 до 4,000 подписчиковъ, инвалиды получали, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, ежегодной чистой прибыли отъ 40,000 до 60,000 рублей ассигнаціями.